

УДК: 398.33 (=161.3) (571.14)

Т. В. Дайнеко

Институт филологии СО РАН

**Календарные обряды и песни села Камышинка
(материалы экспедиции 2016 г.)¹**

В статье опубликована часть материалов, собранных автором в 2016 г. во время фольклорно-этнографической экспедиции в Кыштовский район Новосибирской области (сёла Кыштовка, Малая Скирла, Камышинка, Колбаса, Крутиха). Представлена расшифровка беседы с тремя жительницами села Камышинка, участницами фольклорного ансамбля «Сударушка», которые являются потомками белорусских и смоленских переселенцев и наследниками их фольклорной традиции. Для публикации отобраны сведения, касающиеся календарных обрядов и песен села Камышинка. Материалы беседы сгруппированы в соответствии с годовым календарным кругом, что нашло отражение в разделах статьи. Приводятся рассказы информантов о центральном периоде зимнего календарного цикла – Святках, который включал в себя обход дворов с пением колядок, гадания, проведение молодежный вечёрок; а также сведения об обрядовых действиях, приготовлении особой еды и песнях, связанных с такими праздниками, как Масленица, Сороки, Пасха, Радоница, Троица. В опубликованных рассказах сохранены лексические, синтаксические и фонетические особенности речи информантов. Приводятся вербальные тексты некоторых песен. Цель статьи – ввести в научный оборот новые материалы по фольклору белорусов-переселенцев Сибири.

Ключевые слова: фольклор белорусов Сибири, календарные обряды и песни белорусов Сибири, материалы экспедиции, полевая фольклористика.

Цель статьи – ввести в научный оборот часть материала, собранного во время фольклорно-этнографической экспедиции в Кыштовский район Новосибирской области (сёла Кыштовка, Малая Скирла, Камышинка, Колбаса, Крутиха), которая состоялась в августе 2016 г.² Здесь представлена

¹ В статье излагаются результаты исследования, проведённого в рамках проекта «Фольклор как источник исторической памяти народов Сибири» (П.2П / XII.192-2; Комплексная программа фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН № П.2П «Интеграция и развитие» на 2016 год).

² Сведения об экспедиции см. в сноске 1 на с. 63 настоящего издания. Материалы экспедиции хранятся в личных архивах собирателей, а также в архивах Новосибирского областного центра русского фольклора и этнографии и сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН. Материалы экспедиции частично опубликованы, см.: *Дайнеко Т. В.* Фольклорные традиции села Колбаса: основные вехи народного календаря

Дайнеко Татьяна Владимировна – младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: tan-dai@mail.ru; тел.: (383) 330-14-52.

расшифровка беседы собирателей с тремя жительницами села Камышинка (они же входят в состав фольклорного ансамбля «Сударушка»), которые являются потомками белорусских и смоленских переселенцев и наследниками их фольклорной традиции. Лидером и почти бессменной запевалой трио «Сударушка» является Варвара Ивановна Цвях (в девичестве Фролова), 1929 г.р., мать её – белоруска, из Могилёвской губернии, отец – из Смоленской губернии. Две другие участницы ансамбля ведут свой род от смоленских переселенцев: Полина Петровна Барбасенко (в девичестве Бруско), 1939 г.р. и Анна Нефёдовна Мельникова (в девичестве Бруско), 1943 г.р. (см. фото – слева направо). Все родились уже в Сибири, в селе Камышинка, и прожили здесь всю жизнь. В статье представлен их рассказ о календарных обрядах родного села, опубликованы тексты нескольких песен этого цикла³.

Фото Т. В. Дайнеко

Для удобства восприятия текста читателем в статье мы не обозначаем принадлежность каждой реплики или части рассказа конкретному участнику полилога (хотя всё это отражено в дословной расшифровке беседы), отметим лишь, что большая часть сведений была получена от В. И. Цвях. Важно также отметить, что речь всех информантов практически лишена характерных черт, указывающих на их происхождение от этнических белорусов и переселенцев со Смоленщины. Можно указать лишь на такие фонетические особенности, как фрикативное «г» («гэканье»), особое произношение отдельных слов (*кто* = *кто*), некоторые лексические единицы.

Святки (Рождество, Новый год, Крещение). Центральный период зимнего календарного цикла был насыщен обрядовыми действиями, характерными для славянских фольклорных традиций, и включал в себя обход дворов села с пением колядок, гадания, проведение молодёжных вечёрок. Информанты рассказали о двух способах гадания, распространённых в селе Камышинка. Результаты первого из них – с петухом – считались очень достоверными: «– На пол поклали, посыпали в какие-то чашечки, тарелочки или куда и угольки, и зерно, и воду, зеркало, и свечку зажгли. И петуха поймали, – тада ж курицы в избе были, под печкой, – петуха вытащили, и девчонка одна загадывает, что вот какой мне попадётся муж, и пусть мне петух скажет. И вот петуха этого пустили. И я запомнила, Марийка-покойница выпустила, и этот [петух] вот перед зеркалом ходит ходуном, вот ходит, а потом стал воду пить и зерно стал клевать. Ну, говорим, это хороший будет жених, весёлый и перед зерка-

(по воспоминаниям Евы Ивановны Павлюковой) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (выпуск 31). С. 63–70.

³ Беседа с информантами состоялась 19 августа 2016 г. в доме В. И. Цвях в селе Камышинка Кыштовского района Новосибирской области. Собиратели: Т. В. Дайнеко, Т. Ю. Мартынова, Л. В. Суровяк. Аудио- и видеозаписи беседы, а также фотографии хранятся в указанных выше архивах (см. сноску 2).

лом... Тада ж она с этим дружила, он же вон какой был, Моисеев. А потом покойница-Манька тоже этого петуха, или курицу, я уже не помню, пустила. Петух этот походил-походил, голову вниз опустил, подошёл и угольки поклевал. – А что значит, если угольки поклевал? – Значит, чёрная какая-то жизнь будет. Она же и умерла. Тада этот Вася-то её обманул, и она умерла во время родов. Молодая ещё совсем...» Второй способ гадания проводили на улице: «Подслушивали под окнами ходили. А тут [в чужом доме] неизвестно на кого, на ребёнка своего, или на кого [крикнули:] “Сядь!” – значит, замуж не пойдёшь. Так, такие пометы были. Это так гадали. А под этот вечер уже выслушивают: что ж мне причитается? Если “иди!” – значит, выйдешь замуж. Это под Рожжаство или в основном под Хрещение так гадали».

По словам участников трио «Сударушка», ещё в 1930-е гг. обходы дворов для поздравления с Рождеством совершали обязательно «со звездой», причём это делали взрослые парни. «Звезду» изготавливали из обода сита, к которому приделывали несколько лучей, выпиленных из фанеры; затем конструкцию обтягивали красной тканью и украшали лентами и бумажными цветами, а внутрь обода ставили горящую свечу. В качестве поздравления исполняли тропарь⁴ «Рождество твое, Христе Боже наш...» с некоторыми речевыми дополнениями. Связь предметного атрибута с текстом тропаря хорошо осознавалась: описав изготовление «звезды», информантка подчеркнула, что это именно та звезда, о которой говорится в поющемся тексте («Называлось “звезда” – со звездой учухуся, вот с этой со звездой»).

«А ходили раньше взрослые. Вот я помню, я ещё небольшая была. Парни ходили, взрослые парни. Делали звезду. С сита оболочка такая, круг [его брали], или звезду с фанеры выделывали, и вовнутрь ставили свечку. И когда заходили – зажигали. А обтягивали красным матерьялом. И украшали там – ленточками, бумажками какими-то. Ленточки навешивали по кругу или по уголкам, висели они. И вот они с этой звездой приходили. И приходили и пели, вот это (*поёт полностью текст тропаря*): «“Рождество твое...”», (*далее говорком*) “Здравствуйте, хозяин с хозяйшккой, с Христовым праздничком, с Рождеством!” И всё. И тут хозяева уже им подают: кому деньги, кусок сала, кусок мяса, где какая стряпня, стряпали же к празднику – вот это всё подавали. Девочек не было. Парни! Я помню, что к нам приходили, наверное, человек пять, и всё парни. Заходят, свечку зажигают, эта звезда – красным она горит, свечка внутри поставлена... Это было до войны. Потому что я знаю, что эти парни ушли на фронт и не вернулись с фронта».

Позже состав колядовщиков стал смешанным – ходили и дети, и молодёжь обоих полов, было принято рядиться. «А колядки – это там наряжались: какие-то шубы выворачивали, и маски делали, и всё, чтоб не узнали. И ходили. И песни какие-то были (*поём*): “Открывайте сундучки, доставайте пяточки, не дадите пяточок, я коровку за бочок” – шо-то вот такие какие-то прибаутки. Оно и стихом рассказывалось и пелось». Те же песни пели во время обхода дворов под Старый новый год, но текст их немного изменялся и дополнялся, поскольку они сопровождались традиционным обрядовым действием – «посеванием» в доме злаков: «Под новый год посеваи. “Сею-сею, посеваю, с новым годом поздравляю. Открывайте сундучки...” И ребятки, и взрослые ходили пели под Новый год».

На Святки молодёжь собиралась на вечерки в избах. Информантки уже не застали расцвета этой традиции, но для их старших братьев и сестёр, которые родились в 1920-х гг., вечерки были главным зимним развлечением. Обычно избу снимали у какой-нибудь бабушки, платой служили дрова: «Дрова носили, чтобы она свои уже не израсходовала, а они отапливали. Лучину делали, на шестке жгли, чтоб свет был». На вечерках играли в игры – «в красочки», «в колечко». Плясали под гармошку или балалайку. Если инструментов не было, использовали более оригинальный аккомпанемент – «под язык». «Если нет балалайки, нет гармошки, пели на языке. Собираются. Там был один такой чудак, он командует: “Вот ты будешь играть цымба-цымба, ты бумба-бумба”, – что-то вот такие вот слова (*смеётся*). И вот оркестр этот, мелодия [играет]. А девчонки пели. Собирались на вечерки пряли. Вот прядут-прядут, устанут уже всё, и руки замлеют, ну давайте отдохнём – ну давайте отдохнём, попляшем. Но музыки-то никакой нет, начинают петь (*поём*): “У Ивана в огороде гарбузы, вот бузы-бузы-бузы-бузы-бузы”. И вот бузуют – пляшут. “Как повадились воры-воры-воры, все покрали серы-белы гарбузы. Гарбузы-бузы-бузы-бузы-бузы” (*смеётся*). И вот играют это, пока напляшутся – отдохнут». Танцев, по словам информантов, было много: «И краковяк, и полечка, и под песни, и подгорна, и цыганочка – разные... А потом уже начались вальсы и фокстроты».

Масленица. Празднование продолжалось почти всю неделю и включало все основные элементы масленичной обрядности. «Начинали с четверга. Уже ничего не делали, катались и всё, гуляли, пели.

⁴ Слово «тропарь» не использовалось самими информантами. Они обозначают разные тропари следующим образом: «пели “Рождество”», «петь “Богородицу”» и т.п.

Катались и на лошадях, и на санках с горки к речке, там берега такие крутые. Делали чучело из соломы – обычно одно было чучело [на село]. Собирались, где гуляли, и там жгли – прямо на улице, на дороге. Жгли в Прощёное воскресенье, вечером. Прощения просили [друг у друга]! Раньше ж гуляли компаниями – и прощения просили, кто с кем. А так не ходили [просить], чтоб специально». Участницы трио «Сударушка» вспомнили о том, что раньше в селе был обычай срамить тех, кто не женился и не вышел замуж до Масленицы: «Говорят, что вешали раньше колодку и по деревне водили парня этого, молодёжь. Ну колодку, чурку эту, от дров. Но я этого не видела. Говорят, было такое, а мы уже этого не захватили». Пели в селе и специальные масленичные песни, но они «были всё какие-то непутёвые, неприличные, мы их стеснялись петь. С матерками. Мы их никогда не пели». Варвара Ивановна Цвых всё же спела одну из таких коротких масленичных песен, заменив нецензурные слова слогами: «А Масленица-полизуха, сыр и масло полизала, девкам сраку показала, сама ла-та-та». Рассказали информанты и о трансформации обряда вождения чучела по селу в настоящее время: «В последнее время стали: возьмут шину, колесо и зажигают. И по всей деревне на мотоцикле или на лошадях возят».

Сороки. В Камышинке существовала традиция печь птичек из теста 22 марта. В семье В. И. Цвых бабушка, родом со Смоленщины, пекла в этот день также «сорок галушек»: «Пекли жаворонки и, как у меня бабушка говорила, сорок галушек пекла. Сороки – сорок великомучеников. И надо каждого задобрить. И вот она этих галушек... ну из теста вот – жаворонки, а потом этих галушек нарежет кругленьких, напекёт. Маленькая [галушка], как яичечко. Это печёные галушки. И вот сито, полное галушек. Мы прибежим: “Ешьте, ешьте галушки!”. И скотине давали по этой галушке. Бабушка была смоленская, это папина мама. Скотине надо было давать, чтобы не болела. Бабушка умела [лечить] – ребятишек ей носили, она лечила. А как и что она делала – не знаю». По словам информантов, с испечёнными птичками не совершали никаких обрядовых действий: «Никуда не бегали, ели, да и всё. Не только ребятишкам надо было раздать, сами ели. На этот день надо было, чтобы на столе лежали вот эти птички печёные. Дети и вся семья ели. Кто придёт – подавали, угощали».

Пасха. Перед Пасхой, как и перед другими большими праздниками, полагалось навести полный порядок в хозяйстве: сделать генеральную уборку и мелкий ремонт. «– Перед Пасхой-то всё уборка, к Пасхе готовились. Мы же на году пять раз белили. И стирали, и белили – к каждому празднику. – Это перед какими праздниками? – К новому году – к Рождеству, потом к Масленке, потом к Паске, потом к Троице, потом к Октябрьской. Октябрьскую же праздновали – какой праздник же был! – И что надо было обязательно сделать к этим праздникам? – Побелить, всё выстирать, выгладить, все шторы, рушники эти развешивали. Праздник! Чтоб чистенько было всё. И окна мыли». В предпасхальный период готовили праздничные блюда, в числе которых был особым образом приготовленный творог – «зимуха». Впрочем, информанты отмечают, что после предшествующего Пасхе поста вся еда казалась очень вкусной и праздничной⁵. «Постовали перед Пасхой. Недели, наверное, три не давали ни молока, ничего. Собирали зимуху: сквашивали молоко и делали творог. И были большие плоски, корчаги там какие – и туда сливали вместе творог с сывороткой. Если один творог, то он может испортиться, а это с сывороткой. А потом даже ели мы вместе с сывороткой – ой, нравилось! Да с картошкой, нахлебаешься творожку с сывороткой. И называли зимуха. А ещё делали творог – солили, тоже в какую-то плоску глиняную или в горшок. Плотно-плотно его набивали и маслом мама сверху зальёт». «Холодец варили обязательно. Яишницу с салом жарили, ели. Стряпня была всегда – блины, булочки. Мама пиво всегда делала. Праздник настоящий! К каждому празднику. А я потом уже и сама делала». Обязательно красили яйца. Считалось, что их скорлупа обладает бережной силой: «Под Пасху красили яички. И вот скорлупу никуда не кидать – чтоб скотина, обязательно съела скотина вот эту шкорлупу крашенных яичек. – А чем красили – луковой шелухой? – И луковой. И так, кто чем – краски уже потом появились. А шкорлупки чтоб скотина ела вся своя – вроде как от болезней».

Обряда обходить дворы с пением песен информанты не помнят. По их словам, в селе пели только тропарь: «На Пасху мы пели “Христос воскрес”». Дома. И на улицу выйдем другой раз, на лавочке сядем и поём. Мы и на кладбище ходим когда на родительский день – поём. Его ж не всегда поют. До Вознесения он поётся. А после Вознесения уже поётся “Богородица”». Участницы трио «Сударушка» исполнили тропарь «Христос воскрес» на три голоса, медленно, торжественно и подчеркнули, что «на этот мотив пели и в Камышинке, и в Ивановке (ближайшая деревня. – Т. Д.) – именно вот так поют. Но не везде [так] – есть, что поют часто, быстро». Посетовали, что фольклорная традиция их села уходит вместе с её носителями: «Вот так мы научились от старших, вот так

⁵ Отметим, что, судя по словам информантов, в разных семьях длительность поста могла варьировать – от недели до трёх.

мы теперь поём. Мы уже не захватили. Вот кабы это раньше. Сколько народу ушло, которые знали! И песни, и молитвы, и всё».

Радоница отмечалась во вторник через неделю после Пасхи. В этот день в Камышинке «на кладбище ходили – всегда! У нас могилки застилают скатертями. А рушнички вешают на памятник или на крест, что есть. Приходишь на Радуницу и вешаешь. А скатерть прямо на могилку, рядом на землю не стелили. И на скатерть – помин. Что приносили? А хоть что. И кисель варили, и стряпали – в первую очередь блины, поминальные блины, яйца крашенные. А потом пасхи мы сами стряпали – обязательно её бережёшь на родительскую, на Красную горку. Заранее ходили убирала – не только на могилке, но и на кладбище». После того как могилы были украшены, полагалось обойти кладбище с пением тропаря «Христос воскрес». Старики могли сидеть возле могил «на лавочках – там лавочки сделанные. А кто помоложе – так ходили вокруг. За кладбище не выходили, оно огороженное, вокруг всё обойдут, “Христос” всё пели. Пели также молитвы, по покойнику что поют. Сами пели. Любой человек мог окуривать кладбище – брали кружечку, там угли, заранее костёр разжигали, а потом ладан бросали и всё. Ходили по часовой стрелке. Один раз обходили. Кадили и пели в это же время. А потом каждый к своей могилке и поминали. А потом ходили к родственникам или к соседям, друг к другу ходили и поминали». Общий стол на всех, кто в это время был на кладбище, не устраивали, но навестить родственников и друзей было необходимо. Сейчас эта традиция разрушается: «А сейчас не ходют. Сейчас каждый к своей могилке и сидят, и поминают. А сейчас что сделали – столов наставили, на стол наставляют этот базар, на скамейках садятся и пирушка. Это нехорошо». После выполнения всех необходимых обрядов убранство могил и еду забирали домой: «Всё забирали, только на крестик положишь конфетку там или печенюшку какую. Яичко так раскрошишь, чтоб птички поминали. Скорлупу тоже оставляли на могиле. Рушник снимали. И постираешь к следующему году. Всё – и скатёрочки, и рушнички выстираешь, выполощешь». Специальных песен, кроме пасхального тропаря, на Радоницу не пели.

Начало вождения хороводов не было привязано к какому-либо празднику, а зависело, по словам информантов, от погоды: «Ну, где только полянка, снег растаивает – пошли. Раньше водили [хороводы], но мы уже не захватили. Сестра у меня была с [19]23-го года. Так эти девчонки ещё, наверно, захватили. И на Троицу они ходили – и жарили яишницу, и венки завивали. А мы уже нет». Тем не менее участницы трио «Сударушка» спели хороводную песню, при этом чётко обозначили её жанр и подчеркнули, что это «наша старинная» песня. Отметим, что песни с похожим текстом и напевом известны в различных локальных фольклорных традициях белорусов Сибири и Дальнего Востока. Записанный в селе Камышинка образец примечателен тем, что в нём речь идёт о дочери именно местного, «кыштовского купца». Приведём текст песни полностью:

Разливалася вода, расстилалася трава,
Ой ли, ой да люли, расстилалася трава.
По той травке, по муравке красны девки гуляли,
Ой ли, ой да люли, красны девки гуляли.
Красны девки гуляли, хороводы водили,
Ой ли, ой да люли, хороводы водили.
Одна девка хороша, в хоровод гулять пошла,
Ой ли, ой да люли, в хоровод гулять пошла.
На ней платьице атласно, голуба лента в косе,
Ой ли, ой да люли, голуба лента в косе.
У Ванюша-молодца разыгралися глаза,
Ой ли, ой да люли, разыгралися глаза.
Разыгралися глаза, что девчонка хороша,
Ой ли, ой да люли, что девчонка хороша.
Ты скажи, скажи, девчонка, как по имени зовут,
Ой ли, ой да люли, как по имени зовут.
Моё имя Катерина, кыштовского купца дочь,
Ой ли, ой да люли, кыштовского купца дочь.
Кыштовского купца дочь, отойди, молодчик, прочь,
Ой ли, ой да люли, отойди, молодчик, прочь.
Отойди молодчик прочь, разговаривать невмочь,
Ой ли, ой да люли, разговаривать невмочь.
Разговаривать невмочь, наступила тёмна ночь,

Ой ли, ой да люли, наступила тёмна ночь.
Наступила тёмна ночь, уходи молодчик прочь,
Ой ли, ой да люли, уходи молодчик прочь.

Троица. Троица в селе Камышинка отмечается три дня – воскресенье, понедельник, вторник. В субботу накануне принято было заниматься уборкой («В субботу... ограда подметённая, песочком там засыпанная. А в воскресенье, в Троицу уже гуляли») и украшением жилища и подворья.

«– И берёзки ставили, и май делали. – Расскажите, что такое май. – Его сейчас нету. Это вот такие кустики, прям прутиками кустики. Май мы его называли. Это такой сорт – около болот ближе они росли. Белым цвёл, листики зелёные, а цвет белый-белый. А запах хороший! А сейчас его вот и нету. Повыводился». Растение, которое называли «маем» (судя по описаниям, то лабазник), использовали также и в хозяйстве: «Знаете, когда вот ткали холсты, вот с этого мая делали прутики и в челнок закладывали, цевочки эти одевали вот и ткали. Они прочные были, как проволоочки. Вот с этого мая делали прутики в челноки. А сейчас он выродился, нету теперь этих вот...» Главным украшением служила берёза и её ветки: «Берёзы стоят возле ворот, небольшие такие берёзочки, и маем ещё украсишь эти берёзочки – и тогда действительно праздник». «Берёзу ставили снаружи возле ворот, и внутрь заходишь – ещё где какие ворота. И в доме украшали веточками – фотографии рамки, зеркало полотенцами обвешивали и берёзками, где можно было, веточками втыкали. И май, и берёзки. В основном берёзки, но к этим берёзкам ещё вот этот и май». Заготовкой растений для украшения подворья мог заниматься любой человек: «А кто мог. Топорик взяла, пошла, отрубила штуки четыре и поставила, сколь тебе надо». Ветки стояли и лежали, пока не высохнут, после чего их выбрасывали на улицу: «[Лежат,] пока высохнут. Станет мусорить, так вынешь. У меня, наверное, и шас в сенках там где-то торчала ветка». «Мы никогда не хранили. На улицу выбрасывали».

Первый день Троицы участницы трио «Сударушка» описывают так: «А что Троица? Идём к речке, берём бутылку. И коло речки сидим, костёр распалим большой. Яишницу жарили. Вообще весело – возле речки, костёр, стопочку выпьешь – и песни. И потом поём до самого вечера. – А венки когда завивали? – На второй день. На первый день, говорят, венки не завивают». «Ну можно заплести. А бросать в речку уже на второй день». Из еды на берег реки приносили «хоть что. И блины пекли, и всё стряпали, и сало, и всё на свете. И пиво, и квас. Кто что мог». Хороводов не водили, главным содержанием праздника были песни. Специальные троичские песни в Камышинке не сохранились: «Все песни пели, всякие. Коло речки [поём] – а отголоски по всей Ивановке были». Однако за песнями разных жанров могла закрепляться определённая приуроченность. Так, песня «Скоро-скоро придётся расстаться» (романс по жанру) считается в Камышинке «весенней»: «Можно было в любой [день петь её], когда захочешь. Но вот всё весной начинали эту песню петь».

Как видно из приведённых выше материалов, в настоящее время в селе Камышинка календарных песен сохранилось не много. Однако рассказы исполнителей об особенностях проведения различных календарных праздников отличаются живостью, насыщенностью деталями и, безусловно, представляют большой интерес. К сожалению, участники фольклорно-этнографической экспедиции 2016 г. не располагали достаточным количеством времени для того, чтобы закончить опрос исполнителей о полном календарном круге. Это обстоятельство, а также то, что песенный репертуар фольклорного трио «Сударушка» содержит множество ценных песен различных жанров, указывают на необходимость продолжить собирательскую деятельность в селе Камышинка Кыштовского района Новосибирской области.

T. V. Dayneko

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
tan-dai@mail.ru*

Calendar rituals and songs of Kamyshinka village
fieldwork materials of 2016)

The paper presents a part of the materials collected by the author in 2016 during the folklore-ethnographic expedition to Kyshtovsky district of Novosibirsk region (in the villages of Kyshtovka, Malaya Skirla, Kamyshinka, Kolbasa, Krutikha). The paper presents the transcription of the interview with three women dwelling in Kamyshinka village, participants of the folk singing company “Sudarushka” who are descendants of

the settlers from Byelorussia and Smolensk region inheriting their folk tradition. The information about calendar rituals and songs of Kamyshinka is selected in the article. The information is compiled according the year calendar cycle that is reflected in the paper sections. The recitals are presented about the main period of the winter cycle – the Christmastide which included walking from yard to yard singing carols, fortunetellings, evening parties for young people, along with recitals about ritual actions, preparing special ritual food and songs attributed to feasts of Maslenitsa, Soroki, Easter, Radonitsa, and the Trinity Sunday. In the recitals the lexical, syntax and phonetic details of the performers' speech are retained. The texts of certain songs are presented. The aim of the paper is to introduce new materials on folklore of Byelorussian settlers to Siberia for scientific use.

Keywords: folklore of Siberian Byelorussian settlers, calendar rituals and songs of Siberian Byelorussian settlers, fieldwork materials, field folklore study.